

Н.М. Разинкина (ИЯз РАН)

N.M.Razinkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**Оксюморон. Учебный материал с примерами на английском и русском
языках**

Oxymoron. Teaching Material with English and Russian Examples

Аннотация

Оксюморон представляет собой стилистический прием, основанный на непосредственном объединении (примыкании друг к другу) слов, имеющих, с точки зрения здравого смысла, контрастные или противоречащие друг другу значения (*громкая тишина, горячий снег*). Особый интерес представляют случаи, когда слово, входящее в структуру оксюморона, реализует не какое-либо одно значение, а одновременно несколько значений. Контекст художественного произведения способен лишить составные части оксюморона их логического противоречия, логической несовместимости. Именно художественный текст, в его прозаической или поэтической форме, является наиболее благодарным материалом для изучения сдвигов в смысловой структуре слов, образующих фигуру оксюморона. Последняя реализуется в устойчивых синтаксических конструкциях способных лишь к незначительной вариативности.

Oxymoron is a stylistic device combining in one phrase two or more words that are ordinarily contradictory in meaning, e. g. *a nice rascal, a clever fool*. Of particular interest is a special ability of an oxymoron to expand the meaning of a word (mostly of an adjective), which sometimes might result in a simultaneous functioning of two separate meanings. Oxymoron is highly susceptible to the specific context of fiction. In its extreme case the effect might be observed as the occurrence of a loss in an essential quality of an oxymoron. Thus, contradiction in the meaning of oxymoron constituent parts might altogether cease to exist. It is poetry and fiction which provide a most valuable insight into various semantic shifts within the oxymoron structure, the most frequent of the latter being 'an adjective + a noun'.

Ключевые слова:

оксюморон, противоречивость понятий, расширение синтаксической конструкции, смысловая трансформация, одновременная реализация нескольких значений, антитеза, метафора, задание

oxymoron, contradictory notions, expansion in a syntactic structure, meaning transformations, simultaneous functioning of several meanings, antithesis, metaphor, assignment

Описание любого стилистического приема (например, эпитета, метонимии и проч.) начинается, как правило, с определения его языковой природы. Попытаемся нарушить эту устойчивую традицию и начнем с примера, имеющего целью показать сущность рассматриваемого нами стилистического явления (для удобства отсылок приводимые ниже примеры пронумерованы):

1. "... despite her (Madame Azaire's — Н.Р.) formality towards him and her *punctilious ease* of manner, Stephen sensed some other element in what he had termed the pulse of her (Sebastian Faulks).

Толковые словари определяют значение прилагательного *punctilious* следующим образом:

1. Paying scrupulous attention to correctness in etiquette;
2. Strictly attentive to minute details or conduct.

В рассматриваемом нами примере синонимами этого прилагательного являются следующие слова: *particular, formal, ceremonious*.

Теперь обратимся к существительному *ease (of manner)*, определяемому данным прилагательным. Его значение в данном случае можно представить следующим толкованием: *lack of restraint or stiffness (e.g. his ease of manner disarmed us)*.

Нетрудно заметить, что прилагательное *punctilious* 'педантичный, соблюдающий формальности, церемонный' и существительное *ease* (непринужденность, раскованность, непосредственность, ненапряженность) находятся в положении явного смыслового

противоречия. Действительно, естественная (ненарочитая) раскованность вряд ли может быть натянутой. Однако подобное противоречие нередко используется в художественной литературе в качестве самостоятельного стилистического приема, называемого оксюмороном.

Оксюморон, реже оксиморон (греч. ‘острая или умная глупость, нечто остроумно-глупое’), представляет собой термин, берущий свое начало в античной стилистике и обозначающий *нарочитое* сочетание противоречивых понятий. Иными словами, в оксюмороне мы находим сочетание слов с противоположным значением, т.е. сочетание логически несочетаемого.

Это *сознательное* отталкивание от норм здравого смысла и, как следствие, *кажущееся* нарушение логических правил, которые управляют образованием словосочетаний, часто используется в художественной литературе в качестве яркого стилистического приема, имеющего значительную смысловую нагрузку.

В качестве иллюстрации можно привести следующие хрестоматийные примеры, цитируемые в литературоведческих и стилистических справочниках:

В поэзии: И как могла я ей простить

Восторг твоей хвалы влюбленной...

Смотри, ей *весело грустить*,

Такой *нарядно обнаженной*.

(А.А.Ахматова)

С кем мне поделиться той *грустной радостью*,

Что я остался жив?

(Сергей Есенин)

Другие примеры:

«*Живой труп*» (пьеса Л.Н.Толстого);

«*Живые мощи*» (рассказ из цикла «Записки охотника» И.Тургенева);

«Невыносимая легкость бытия» (роман М. Кундеры);

«Оптимистическая трагедия» (пьеса В. Вишневского);

«Обыкновенное чудо» (название фильма по мотивам пьесы Е. Шварца);

Сладкая горечь;

Звонкая тишина;

Старый новый год;

Новаторская традиция;

Убогая роскошь;

В разговорной речи: *наверное, точно*. Например: *Я, наверное, точно приду*.

В английском:

A pleasantly ugly face;

Horrid delight;

A nice rascal;

A clever fool

Целый ряд оксюморонов превратились в клише. В английском это, например, такие словосочетания, как

Deafening silence.

Quiet riot.

Serious joke.

Sweet sorrow.

Irregular pattern.

Dark light.

Living dead.

Old news.

С помощью оксюморона могут создаваться новые понятия и представления, например, *сухое вино, честный вор* (см.: А. Квятковский. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966).

Задание: Сочините несколько оксюморонов (на русском или английском языке, желательно на двух языках), имеющих структуру «прилагательное + существительное».

Однако в полной мере языковая суть оксюморона раскрывается не в изолированных словосочетаниях (какими бы яркими и неожиданными они не представлялись), а в контексте художественного произведения. Именно художественный текст дает нам возможность понять, каким образом, т.е. с помощью каких языковых средств, подчеркнутая противоречивость значений способна сливаться в одно смысловое целое.

Одной из распространенных синтаксических конструкций, реализующих рассматриваемый стилистический прием, является фигура *contradictio in adjecto* — соединение существительного с контрастным по смыслу прилагательным. Приведем примеры.

2. “Mr. Dombey had remained in his own apartment since the death of his wife... Something lay at the bottom of his cool heart, colder and heavier than its ordinary load, but it was more a sense of the child’s loss than his own, awakening within him an almost *angry sorrow* (Ch. Dickens).

Sorrow имеет значение ‘mental suffering or pain caused by loss or despair’, ‘an emotion of great sadness’. Напомним читателю, что Мистер Домби (имеется в виду роман Диккенса «Домби и сын») был органически неспособен испытывать подобные эмоции. Он бездушен и черств, и если попытаться определить одним словом его нутро, то это — холодность, Холодность с большой буквы, отсутствие естественных человеческих чувств.

Приведенный выше пример отчетливо говорит нам о том, что потеря жены ощущается Мистером Домби не как собственное горе, а как «ущерб», который эта потеря наносит его сыну, будущему компаньону и главе фирмы. Преуспевание фирмы — единственная забота негоцианта. Ср.: “Dombey and Son”...these three words conveyed the one idea of Mr. Dombey’s life. The earth was made for Dombey and Son to trade in, and the sun and moon were made to give them light. Rivers and seas were formed to float their ships; rainbows gave them promise of fair weather, winds blew for or against their enterprises; stars

and planets circled in their orbits, to preserve inviolate a system of which they were the centre. Common abbreviations took new meanings in his eyes, and had sole reference to them. A. D. had no concern with anno Domini, but stood for anno Dombei — and Son”.

Мы привели эту обширную выдержку из романа с единственной целью: показать, что имя собственное (*Dombey*) и имя нарицательное (*sorrow* ‘an emotion of great sadness associated with loss’) в контексте художественного произведения способны образовать четкий оксюморон (в допустимой трансформации это *sorrowful Dombey*), который может быть назван *контекстуально-трансформированным случаем contradictio in adjecto*.

Обратимся к прилагательному *angry*, которое дает читателю понять, что боль (*sorrow*) г-на Домби была, на самом деле, не болью, а, как отмечалось выше, недовольством в связи с возможным причинением ущерба его Торговому Дому.

В данном случае прилагательное *angry* использовано в значении ‘feeling annoyance, animosity, marked displeasure, or resentment’. Пожалуй, именно *resentment* (‘негодование’, ‘возмущение’, в лучшем случае — ‘недовольство’) наилучшим образом передает чувства Мистера Домби в связи с кончиной его жены.

Анализ ряда слов, дающих толкование прилагательного, входящего в структуру оксюморона, позволяет сосредоточиться на тех оттенках смысла, которые, *в соответствии с авторским замыслом*, наилучшим образом реализуют совмещение тех или иных противоположных свойств и качеств. Ниже будет сделана попытка показать, что эти оттенки смысла не всегда представлены в толковании прилагательного как центральные, основные.

Задание: *Pain* является синонимом рассмотренного выше *sorrow*. Сочините несколько ярких оксюморонов, используя *pain* в конструкции «прилагательное + существительное». Желательно, чтобы сочиненный вами оксюморон был вставлен в контекст (хотя бы небольшой) и не ограничивался только двумя словами.

Обратимся еще к одному примеру, заимствованному из того же романа Чарльза Диккенса. Этот пример интересен тем, что оксюморон здесь введен автором непосредственно в контекст устной разговорной речи:

3. “Why, Lord!” said the old woman ruffling her (Florence’s — H.P.) curls *with a furious pleasure*, “anybody but me would have had ’em off first of all”.

Прилагательное *furious* реализует в данном случае значение, которое толковые словари определяют как ‘used to describe something that is done with violence’. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на описании того, кем была упоминаемая в примере *old woman (her name is Mrs. Brown)*. Отметим лишь, что эта женщина похитила дочь Мистера Домби, затащила ее в нищенское помещение, похожее на притон, сорвала с нее одежду, отняла обувь и отпустила, взяв с девочки обещание, что она никому не расскажет о случившемся.

Примечательно, что в рамках оксюморона *furious* реализует не только упомянутое выше значение ‘something done with violence’, но также (о чем свидетельствуют толковые словари) еще два значения — ‘angry’ (someone who is furious is extremely *angry*) и ‘done with great effort’ (furious is also used to describe something that is done with great energy or effort).

Если читатель возьмет на себя труд обратиться к роману Диккенса, о котором идет речь, и перечесть сцену насилия над девочкой, он без труда обнаружит, что прилагательное *furious* реализует в данном контексте все три значения. Повторим, это ‘violent’, ‘angry’, и ‘done with great effort’.

Рассмотрим второй член словосочетания, образующего фигуру оксюморона, а именно существительное *pleasure*. Здесь оно использовано в значении ‘a feeling of happy satisfaction and enjoyment’.

Вопрос: Как вы думаете, какое из трех значений *furious* (повторим: ‘violent’, ‘angry’, ‘done with great effort’) в наибольшей степени вскрывает смысловое противоречие между названием эмоционального состояния (‘pleasure’) и его оценкой (‘furious’)?

Синтаксическая структура оксюморона может быть осложнена наличием двух прилагательных, каждое из которых вступает в своеобразные смысловые отношения как между собой, так и с существительным, которое оно определяет. Например:

4. "... being left alone with the two children again, and becoming conscious that the wind was blowing mournfully, she (Mrs. Wickam — H.P.) indulged in melancholy — *that cheapest and most accessible of luxuries...*" (Ch. Dickens).

Для того, чтобы глубже понять тот смысл, который писатель вкладывает в прилагательное 'cheap' (в словосочетании cheap luxury -дешевая роскошь), необходимо обратиться к портрету упоминаемой в примере особы. Несколькими страницами ранее (описывается то время, когда Mrs. Wickam впервые попадает в дом Мистера Домби в качестве няни маленького Пола) читаем:

"Mrs. Wickam was a meek woman...who was always ready to pity herself, or to be pitied, or to pity anybody else; and who had a surprising natural gift of viewing all subjects in an utterly forlorn and pitiable light, and bringing dreadful precedents to bear upon them, and deriving the greatest consolation from the exercise of that talent".

Из этого описания мы видим, что грусть была постоянным состоянием Миссис Викам, что всех и вся она воспринимала только в мрачном свете и, что самое важное, это состояние было ее своеобразным талантом, от которого она получала утешение (consolation) и, добавим, немалое удовольствие.

В приведенном выше примере прилагательное *cheap* реализует одновременно несколько значений:

1. основное предметно-логическое значение слова — 'inexpensive' (например, *недорогая гостиница; или: к счастью, им — имеется в виду небогатая пара — удалось снять недорогой номер, inexpensive clothes; an inexpensive tour; she bought an inexpensive expensive pair of shoes*);

2. другое значение (также фиксируемое толковыми словарями) формулируется как 'achieved with little effort'. Действительно, чувство сострадания испытывается Миссис Викам постоянно, приносит ей, как было сказано выше, большое удовольствие и ни в коей мере не затрагивает жизнь ее души. Слова Заболоцкого «душа обязана трудиться и день, и ночь» — это не о Миссис Викам.

3. из этого второго значения вытекает и следующее: ‘of or considered of small value, of poor quality’.

Что касается существительного *luxury*, то оно использовано в данном контексте в значении ‘a situation in which you are very comfortable’.

Таким образом, сострадание Миссис Викам ближнему, понимание его бед определяется писателем как чувство «дешевое», которое в нравственном плане ничего не значит, дается с большой легкостью и поэтому недостойно уважения. Английские толковые словари определяют это последнее значение прилагательного *cheap* как ‘not worthy of respect’.

Оксюморон и вся саркастическая сентенция в целом, усиленная прилагательными в превосходной степени (*cheapest and most accessible*), соединяются, таким образом, в единое смысловое целое.

Задание: Придумайте оксюморон, имеющий структуру прилагательное + существительное. Это последнее — *любовь*. Не ограничивайтесь только сочетанием двух слов. Опишите ситуацию, в которой придуманный вами оксюморон был бы уместен. Данное задание желательно выполнить как на русском, так и на английском языках.

Приведем еще один пример оксюморона, в который входит существительное *роскошь*:

5. «События последних дней выплеснули на улицы города множество иностранцев; растерявшись, глазели они на *строгую роскошь храма*. Словно морской прибор гремят голоса, разносясь по гигантским золотисто-белым залам» (Л. Фейхтвангер. Иудейская война. Пер. с нем.)

Может ли роскошь быть строгой? Согласно данным толковых словарей существительное *роскошь* реализует в данном случае следующие значения: ‘внешнее великолепие’, ‘пышность’. Понятно, что ни одно из этих значений (особенно ‘пышность’) логически несовместимо с прилагательным ‘строгий’ — взыскательный, требовательный, суровый.

Однако у прилагательного *строгий* имеется еще одно значение, которое формулируется как ‘простой, без лишних украшений, но свидетельствующий о хорошем вкусе (говоря об одежде, причёске, внешности, обстановке и др.)’. Именно в этом (если можно так сказать, «неоксюморонном» значении) данное прилагательное использовано в анализируемом нами примере.

В подтверждение приведем описание храма, которое мы находим несколькими страницами ранее. Обратим особое внимание на два существительных: *гармония* и *благородство*: «Ни кисть художника, ни резец скульптура не стремились украсить его (храм — Н.Р.); производимое им впечатление зависело исключительно от *гармонии* его громадных пропорций и от *благородства* материалов» (Лион Фейхтвангер. Иудейская война.. Перевод с нем. Курсив наш).

С другой стороны, и существительное *роскошь*, в контексте художественного произведения, теряя значение ‘внешнее (иными словами, показное) великолепие’, приобретает иной, контекстуальный смысл, а именно ‘истинная красота’, т.е. красота в том виде как она понималась в первом веке н.э. Ср.: «Художественные произведения, украшавшие внутренность храма, пользовались мировой известностью. Семисвечник, чьи огни символизировали семь планет: Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Затем стол с двенадцатью хлебами предложения, — они символизировали знаки зодиака и годовой кругооборот. Сосуд с тринадцатью видами курений, добытых в море, в необитаемой пустыне и в населенных землях, в знак того, что всё от Бога и для Бога» (там же).

Рассмотренный пример позволяет сказать следующее: стилистический прием оксюморона может быть реализован в словосочетании, которое воспринимается как таковое вне контекста. См., например, приведенные выше ‘сладкая горечь’, ‘звонкая тишина’ и тому подобное.

Однако более интересными представляются случаи использования оксюморона в контексте художественного произведения. Этот контекст способен не только углубить и уточнить смысл слов, образующих фигуру оксюморона (об этом говорилось выше), но,

более того, лишить части данного приема — прилагательное и относящееся к нему существительное — их логического противоречия, логической несовместимости.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий это положение.

6. «Наступила ночь, однако штурм не ослабевал. Всю ночь напролет глухо гудели удары тарана, равномерно работали бронированные башни, метательные машины. При попадании снарядов люди мешком валялись со стен. Стоял крик, скрежет, стоны... Сам Иосиф внимал этому грому с почти *злобным удовлетворением*. Сорок шестой день осады, а Иосиф должен продержаться в городе семью семь дней. Затем наступит пятидесятый день, и воцарится тишина» (там же).

Существительное ‘удовлетворение’, согласно толковым словарям, имеет здесь следующее значение: ‘чувство того, кто *доволен* исполнением своих стремлений, желаний’. Может ли ощущение довольства (удовольствия) быть злобным? Вряд ли.

Но, как и в предыдущем примере, контекст художественного произведения придает словам, образующим оксюморон, свой особый смысл. Герой романа (Иосиф) удовлетворен (доволен) тем, что он и его люди смогли выдержать осаду римлян в течение сорока шести дней — срок огромный, учитывая военную мощь Рима и общее неравенство сил. Однако к этому чувству примешивается ожесточение (злость) против всесильного врага и понимание того, что пятидесятый день осады может и не принести тишину, которая будет, как говорит писатель, тишиной смерти.

Задание: Сочините оксюморон, в котором существительное ‘удовлетворение’ и относящееся к нему прилагательное находились бы в положении смысловой несовместимости (например, раздраженное удовлетворение). Желательно, чтобы ваш оксюморон был встроен в описание какой-либо ситуации.

Контекстуальные возможности оксюморона проявляются особенно интересно в поэтическом тексте. Приведем пример:

7. Это было не раз, это будет не раз

В нашей битве глухой и упорной:

Как всегда, от меня ты теперь отреклась,

Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, *мой враждующий друг*,

Враг мой, схваченный темной любовью,

Если стоны любви будут стонами мук,

Поцелуи — окрашены кровью.

(Н.С. Гумилев)

Оксюморон *враждующий друг* находит свое развитие в нескольких строках стихотворения. Так, причастие *враждующий* связано по своему смыслу с существительными *битва* (*битва глухая и упорная*), *враг* (*враг мой*), *кровь* (*поцелуи окрашены кровью*).

С другой стороны, в данном контексте смысл существительного *друг* углубляется с помощью таких слов, как *любовь*, *поцелуи*. Немалую роль в смысловом развитии словосочетания *враждующий друг* играет и другой стилистический прием, близкий (с точки зрения смыслового контраста) к оксюморону, а именно антитеза. Ср.:

от меня ты теперь *отреклась* — *вернешься покорной*;

стоны *любви* — стоны *мук*

как *всегда* — *завтра*

это *было* — это *будет*

Задание (оно аналогично предыдущему): Сочините оксюморон, в котором существительное ‘любовь’ и относящееся к нему прилагательное или причастие находились бы в положении смысловой несовместимости.

Для иллюстрации оксюморона на материале английского языка часто приводится пример, ставший, по-видимому, хрестоматийным. Это — монолог Джульетты, который она произносит, узнав, что Ромео убил Тибальда, ее кузена:

8. O serpent heart hid with a flow’ring face!

Did ever dragon keep so fair a cave?

Beautiful tyrant! fiend angelical,

Dove-feather'd raven, wolfish-ravening lamb,

Despised substance of divinest show!

Just opposite to what thou justly seem'st -

A damned saint, an honourable villain...

Наверное, было бы небезынтересно посмотреть, каким образом перевод (ниже, для сравнения, приводятся два варианта перевода) «справляется» или «не справляется» со стилистическим приемом оксюморона. Удастся ли сохранить синтаксическую структуру оригинала или с утерей последней происходит потеря приема как такового и его замена другими экспрессивными средствами?

1. Цветущее лицо с змеиным сердцем!

Скрывался ли в таком прекрасном гроте

Когда-либо дракон? Злодей-красавец!

Ты, ангелу подобный падший дух!

О, ворон злой, но в перьях голубицы!

Свирепый волк во образе ягненка!

Тварь гнусная с божественным челом!

Контраст всему, чем кажешься ты с виду!

Святой в грехах, в почете негодяй.

(<http://www.veblitera.com/sync>)

2. О, сердце змея под цветочной оболочкой!

Когда дракон в такой великолепной

Пещере обитал? Тиран

С неотразимою красою,

Бес в виде серафима! Хищный ворон

С крылами голубя! Ягненок

Лютей волков свирепых!

Презренное под дивно светлой формой.

Противоречье страшное тому,

Чем кажется на вид! Святой проклятый,

Вельможный нищий.

(Перевод А. Григорьева)

Вопросы:

а. Сравните: *beautiful tyrant*

и

злодей-красавец (1-й перевод);

тиран с неотразимою красою (2-й перевод).

Какой перевод представляется вам более удачным и почему?

Какой перевод ближе к смыслу оксюморона *beautiful tyrant*?

Обдумывая ответ на этот вопрос, обратите внимание на то, что *beautiful* имеет значение не только *красивый* (внешность), но также *великолепный*, превосходный (личные качества).

б. Сравните: *fiend angelical*

и

ангелу подобный падший дух (1-й перевод);

бес в виде серафима (2-й перевод).

Существительное *fiend* имеет значения 'дьявол', 'демон', 'бес', 'изверг'. Какой из приведенных выше двух переводов в большей степени сохраняет экспрессию оксюморона *fiend angelical* и почему?

в. Сравните: *dove-feather'd raven*

и

ворон злой, но в перьях голубицы (1-ый перевод);

хищный ворон с крылами голубя (2-й перевод)

Как вы думаете, прибавление (в переводах) к существительному *ворон* определений *злой*, *хищный* усиливает экспрессию данного слова или же, наоборот, ослабляет ее? В оригинале ни *dove*, ни *raven* таких определений не имеют. Повторим: являются ли прилагательные *злой* и *хищный* необходимыми? Может быть, одних слов *ворон* и *голубь* было бы достаточно для создания антитезы? Не нарушено ли здесь известное правило, которое гласит: *every word should tell*.

г. Сравните: *wolfish-ravening lamb*

и

свирепый волк во образе ягненка (1-й перевод);

ягненок лютей волков свирепых (2-й перевод).

Какое из прилагательных — *свирепый* или *лютей* — представляется вам более удачным с точки зрения сохранения выразительности оксюморона *wolfish-ravening lamb*?

д. Сравните: *a damned saint*

и

святой в грехах (1-й перевод);

святой проклятый (2-й перевод).

Какой перевод вы считаете более удачным? *Damned* имеет здесь значение ‘ненавистный’, ‘проклинаемый’.

е. Сравните: *an honourable villain*

и

в почете негодяй (1-й перевод);

вельможный нищий (2-й перевод).

Какой перевод в большей степени сохраняет экспрессию оксюморона *an honourable villain*? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что существительное *villain* имеет здесь значение ‘злодей’, ‘негодяй’. “Random House Unabridged Dictionary” определяет данное существительное как а ‘cruelly malicious person who is involved in or devoted to wickedness or crime’. Как вы считаете, согласуется ли эта формулировка с использованием в переводе существительного *нищий*?

Для стилиста особый интерес представляет такой оксюморон, который одновременно является метафорой. Приведем пример (отрывок) из поэтического текста:

9. Поэзия печали

Я чуткий жрец поэзии печали,
И робким братьям трепетно несу
Усталых слез *горячую росу*,
Тревожных дум тоскливые скрижали...
(Яков Годин)

Само сравнение слез с росой не является оригинальной метафорой. Так, в словаре Даля находим: *слезы — роса, взойдет солнце и обсушит* или *жена плачет — ручей течет, невеста плачет — как роса, взойдет солнце — росу высушит*. В приведенном примере алогичность и, следовательно, оригинальность метафоры создается благодаря прилагательному *горячий* (горячая роса), поскольку, как известно, роса приносит прохладу. В этом смысле оксюморон *горячая роса* похож на такие оксюмороны, как *громкая тишина, черная белизна* и т.п.

Существительное *печаль* (*поэзия печали*), прилагательные *усталый* (*усталые слезы*), *тревожные* (*думы*), *тоскливые* (*скрижали*), наречие *трепетно* раскрывают смысл оксюморона, объясняя читателю, почему слезы равнодушного, чуткого жреца поэзии горячи.

Вопрос: Как вы думаете, можно ли (в приведенном выше примере) считать прилагательные *усталый, тревожный, тоскливый, чуткий, робкий* контекстуальными синонимами? Если это, на самом деле, так, то какой смысл их объединяет?

Приведем еще два примера, в которых оксюморон создается с помощью синтаксической конструкции «прилагательное + существительное»:

10. «В ту ночь ему (Иосифу — Н.Р.) приснился дурной сон. По всем улицам шли римские легионы, он видел, как они катились, словно морские валы, медленно, неуклонно, в строгом порядке, рядами по шесть человек, многие тысячи, но все — как одно существо. Это надвигалась на него сама война, это была «техника», чудовище, мощная машина *слепой меткости*, защищаться против которой — бессмысленно» (Л. Фейхтвангер. Иудейская война. Пер. с нем.).

Этот пример интересен тем, что для понимания смысла оксюморона (вне контекста *слепая меткость* воспринимается как алогизм) читателю необходим значительно более широкий контекст, нежели тот, который может дать приведенный выше небольшой отрывок из романа Л. Фейхтвангера.

Дело в том, что в первом веке нашей эры Рим был центром мощнейшей средиземноморской державы. Эта держава обладала армией, которая была непобедима не столько благодаря своей численности (которая была колоссальна), сколько, по тем временам, непревзойденной организованности и техническому оснащению. Воины этой армии набирались из многих государств, подчиненных Риму. Для них не имело значения, кто их враг, и почему они должны его уничтожить. Они покорно и беспрекословно исполняли волю своих римских военачальников.

Таким образом, благодаря историческому контексту, мы понимаем, что в данном случае прилагательное *слепой* использовано в значении ‘действующий или совершающий что-либо без разумного на то основания’. Именно это значение реализуется в словосочетании *слепое орудие*, когда речь идет о тех, кто покорно и беспрекословно исполняет чью-либо волю. В свою очередь, *покорная меткость* — это уже иной стилистический прием: не оксюморон, но метафора.

Однако, по нашим наблюдениям, наиболее часто оксюморон используется в художественном тексте для описания состояния (физического или психического) действующего лица романа, повести и проч. Рассмотрим два примера.

11. «Залежалым запахом, запахом камфары и мускуса, несло от всей особы старика, *озабоченная торжественность* его осанки поразила бы самого равнодушного зрителя!» (И.С. Тургенев).

Трогательный старик, о котором в приведенном примере идет речь, это бывший актер, точнее, оперный певец (его имя — Панталеоне). Он уже очень давно оставил сцену и теперь помогает двум женщинам вести их скромное хозяйство. Официальный обед, в котором Панталеоне должен, на правах члена семьи, принять участие, является для него событием большой значимости. Отсюда — существительное *торжественность*, использованное в данном случае в значении ‘парадность’, ‘праздничность’, ‘приподнятость’.

Вне контекста это значение никак логически не совмещается с прилагательным *озабоченный*, т.е. обеспокоенный, озадаченный. Однако читатель, помнящий содержание тургеневской повести «Вешние воды», понимает, что именно эти два чувства — осознание важности момента и боязнь не соответствовать его серьезности (предстоящее замужество Джеммы) — овладевают стариком в одинаковой степени. Оксюморон, таким образом, представляет собой стилистическую фигуру, способную экономным образом вместить в себя описание *противоречивых* чувств, переживаемых человеком в тот или иной момент его жизни.

Задание: Используя стилистический прием оксюморона, попытайтесь описать (в письменной форме) такой период вашей жизни, когда вами владели противоречивые, взаимоисключающие друг друга чувства.

12. «Зайцев стал рассказывать о своем многодневном состязании с немецким снайпером у подножия Мамаева кургана... Вновь переживая произошедшее, Зайцев поднялся из-за стола, — то особое выражение силы, которое мелькнуло на его лице, теперь стало единственным и главным выражением его, то уже не был добродушный

широконосый парень, — что-то могучее, львиное, зловещее было в этих раздувшихся ноздрях, в широком лбе, в глазах, полных *ужасного, победного вдохновения*» (В. Гроссман).

Может ли победное вдохновение быть ужасным? Оказывается, что может, если контекст объясняет чувства человека, переживающего определенное эмоциональное состояние. В приведенном примере прилагательное *ужасный* использовано в значении наводящий страх, жуткий, страшный. Каким образом контекст «оправдывает» это значение?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выделить две содержательные линии: одна — это описание внешности солдата до встречи с врагом: добродушный широконосый парень. Другая линия — его внешность, когда он вспоминает о многодневном состязании с немецким снайпером. Добродушие покидает лицо Зайцева; на этом лице остаётся только выражение силы. Вместо добродушия появляется нечто зловещее, могучее и львиное. Это последнее усилено автором словами *раздувшиеся ноздри, широкий лоб*.

Представим, что в приведенном выше фрагменте (заимствованном из романа В.Гроссмана «Жизнь и судьба») отсутствует описание внешности солдата до его встречи с немецким снайпером. Это отсутствие, безусловно, ослабило бы эмоционально-оценочную экспрессию оксюморона, поскольку антитеза («до и после») это тоже контраст, «работающий», на оценочную суть оксюморона.

В рассмотренных выше примерах (с 1-го по 12-й) оксюморон реализовался в конструкции «определение (прилагательное или причастие) + существительное». Оксюморон может также создаваться в рамках иной, более сложной, синтаксической конструкции, а именно «наречие + прилагательное (или причастие) + существительное». Приведем пример:

13. ГОСТЬ

Все, как раньше. В окна столовой

Бьется мелкий, метельный снег.

И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.
Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».
Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».
И глаза, глядящие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

(Анна Ахматова)

Здесь в отношении кажущейся логической несовместимости вступает наречие *просветленно* и прилагательное *злое* (лицо). Действительно, *просветленный* (как и образованное от него наречие) имеет значение ‘ясный’, ‘светлый’, ‘проясненный’, ‘преисполненный покоя’. Совместимы ли эти смыслы с такими значениями прилагательного *злой* (когда речь идет о лице), как ‘испытывающий чувство вражды’, ‘выражающий злобу’?

Вопрос: Прочтите стихотворение Ахматовой еще раз, обращая особое внимание на слова ‘ему ничего не надо’.

Каким образом смысл наречия *просветленно* меняется под влиянием этих слов? Не кажется ли вам, что значение ‘выражающее покой’ отступает и на смену ему приходит иное значение (также фиксируемое словарями), а именно ‘обладающий ясностью, продуманный’?

Возможно, у вас будет иная точка зрения. В таком случае сформулируйте ее. Наверное, вы согласитесь с тем, что возможность разночтения — одно из наиболее привлекательных качеств поэзии.

Приведем пример оксюморона, реализованного в той же синтаксической конструкции (наречие + прилагательное (или причастие) + существительное), но на сей раз в прозаическом тексте:

14. «Медея не верила в случайности, хотя жизнь ее была полна многочисленными встречами, странными совпадениями и *точно подогнанными неожиданностями*» (Л. Улицкая).

В данном контексте значение глагола *подогнать* (и причастия *подогнанный*) можно сформулировать как ‘приурочить’, ‘сделать так, чтобы одно подходило к другому’. Это значение усилено наречием *точно* — *точно подогнанные неожиданности*.

Если в предыдущем примере наречие (*просветленно*), использованное в рамках оксюморона, несло значительную смысловую нагрузку, то в последнем примере (*точно*) оно служит лишь усилению значения причастия. Попробуем прочесть последний пример без наречия *точно*. Смысл оксюморона от этого радикальным образом не изменится.

Напротив, другой член оксюморона, а именно существительное *неожиданность*, получает значительную контекстуальную «поддержку». Так, значение данного слова, которое можно определить как ‘внезапность’, ‘непредсказуемость’, ‘нечаянность’ хорошо согласуется с существительным *случайность* (Медея не верила в случайности) и развивается с помощью словосочетания *странные совпадения*. Последние, как правило, бывают неожиданными.

Задание: Попробуйте сочинить оксюморон, используя синтаксическую структуру «наречие + прилагательное или причастие + определяемое ими существительное ‘случайность’». Желательно, чтобы оксюморон был частью придуманной вами ситуации.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий роль наречия в создании оксюморона. Имеется в виду тот случай, когда наречие привносит в оксюморон яркую эмоционально-экспрессивную оценку, которая, на первый взгляд, логически никак не согласуется со значением прилагательного:

15. «Блуждания по литературной Москве носили *изумительно хаотичный характер*. В бывшем Гендриковом переулке заходили во двор дома, где, как ошибочно полагали, застрелился Маяковский, спускались по улице Дзержинского, бывшей Лубянке, к Сретенским воротам...По бульварам они (школьники вместе со своим учителем литературы — Н.Р.) доходили до площади Пушкина, где учитель показывал дом Фамусова, бродили по пушкинским адресам — дом Вяземского, дом Нащокина, дом, где размещались танцклассы Иогеля. Здесь Александр Сергеевич впервые увидел юную Натали» (Л. Улицкая).

Прилагательное *хаотичный* имеет значение ‘сумбурный’, ‘беспорядочный’, ‘лишенный стройности и последовательности’. С другой стороны, *изумительным* называют что-либо настолько хорошее, что оно вызывает восхищение. Может ли неразбериха и беспорядок (хаос) вызвать восхищение? Несомненно, в изолированном виде словосочетание ‘изумительно хаотичный’ воспринимается как безусловный оксюморон.

Однако из контекста мы узнаём, что в географическом смысле (т.е. с точки зрения расположения улиц и бульваров Москвы) пешеходные прогулки школьников имели вполне упорядоченный характер. И то, что эта четкая география не совпадала с хронологией литературных событий, было особенно привлекательным как для самого учителя литературы, так и для его учеников.

Задание: Сочините несколько оксюморонов, первым членом которых было бы наречие *изумительно*. Например, *изумительно неправильные черты лица* или

изумительно сбивчивые ответы, изумительно лживое лицо и проч. Как и в предыдущих заданиях, желательно, чтобы оксюморон стал частью описания какой-либо ситуации. Последняя предполагает указание на обстоятельства и условия общения, в которых алогизм оксюморона оказывается (в смысловом отношении) вполне приемлемым и оправданным.

В заключение суммируем основные положения раздела:

1. Оксюморон представляет собой стилистический прием, основанный на нарочитом сочетании противоречивых понятий. Иными словами, он создается объединением логически несочетаемого, например, *громкая тишина, горячий снег*.

2. В художественном тексте оксюморон используется в качестве яркого стилистического приема, имеющего значительную смысловую нагрузку. Именно в связи с этим обстоятельством в качестве материала для исследования были отобраны фрагменты из художественной литературы — как прозаические, так и поэтические.

3. Наиболее распространенной синтаксической конструкцией, в рамках которой реализуется оксюморон, является соединение существительного с контрастным по смыслу прилагательным (одним или двумя). Реже эта конструкция принимает форму «наречие + прилагательное (или причастие) + существительное».

4. Анализ (с помощью толковых словарей) смысловой структуры слов, образующих оксюморон, дает исследователю возможность сосредоточиться на тех значениях, которые способны реализовать совмещение противоположных свойств и качеств того или иного предмета (в широком понимании данного слова). Примечательно, что эти значения не всегда представлены в толковании слова как центральные, основные.

5. Особый интерес представляют такие случаи, когда слово, входящее в структуру оксюморона, реализует одновременно несколько значений.

6. Контекст художественного произведения способен не только углубить и уточнить смысл слов, образующих оксюморон, но, более того, лишить части данного приема — прилагательное и относящееся к нему существительное — их логического противоречия, логической несовместимости.

7. В художественном тексте оксюморон способен функционировать одновременно с другими стилистическими приемами, а именно антитезой и метафорой.